

Елена Волохова

Семейные ценности Смигов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Алексеевна Волохова

Семейные ценности Стиксов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649787

SelfPub; 2019

Аннотация

У Стиксов скелеты в шкафу самые что ни на есть настоящие, потому что Стиксы – семейка монстров. Жизнь у них обычная – закрывают внезапно открывшиеся в подвале врата ада, растят легион порождений, ищут девственников на ужин. Беда приходит, откуда не ждали – дочь Лея влюбляется в смертного, да не в простого, а в блэк-металлиста. А тут еще Великий Инквизитор грозит напасть на их особняк. Смогут ли Стиксы справиться с давним врагом? И о каком звере рыкающем говорится в пророчестве? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	47
Глава 12	51
Эпилог	55

Пролог

Старшая дочь Лея влюбились в смертного.

Потрясение от новости оказались так велико, что в подвале особняка открылся портал в иное измерение и выбравшиеся оттуда твари заполонили дом. Дедушка Лугоши заперся в своем гробу и не вышел бы из него, даже если бы весталки сами стали прыгать на него и предлагать свою кровь, как это случалось в былые времена. Бабушка Хейд отлавливала сбежавших из портала тварей и пускала их на фарш. Из него она собиралась сделать начинку для пирожков, «дабы вспомнить свое истинное предназначение и травить этих смертных, а то, иш ты, совсем распоясались». При этом поглядывала окосевшим глазом на зятя, считая его корнем бед.

Зять ее, благородный идальго дон Родриго Рикардо Хуан Фернандес де Веласко граф Салазар, видевший во всем происки своего давнего врага, Великого Инквизитора, натачивал шпагу и клыки и проверял расставленные вокруг дома ловушки. Виновницу всего этого безобразия, дочь Лею, он запер в комнате. Именно так поступали в его молодости с девами, забывшими родительские указы. Заточали в высокие башни, выкапывали вокруг глубокие рвы и сажали непроходимые леса.

Его жена, прекрасная, но заколебавшаяся ведьма Саломе пыталась сохранить невозмутимость. Она сама всего ка-

ких-то четыреста лет назад была на месте дочери, с той лишь разницей, что отец не запер ее в башне, а закопал в землю. Остальные ее дети бегали по потолку, аки по полу, и мешали отлову тварей, потому что сами выглядели, как монстры из портала, играли вместе с ними и пакостили наравне.

– Смертные для еды, а не для блуда! – прокричала бабушка Хейд, проходя мимо комнаты внучки.

– Сначала для блуда, потом для еды, – поправил ее из гроба дедушка Лугоши.

– Чему учишь ее, старый!

Лея предпочитала сидеть тихо, все равно семейства надолго не хватит. Протестующая сущность молодой ведьмы распространяла вокруг себя злобные эманации, разлетавшиеся по дому полтергейстом. Хорошо хоть не придется вместе со всеми очищать дом от тварей.

Для изгнания монстров Стиксы использовали такие отборные экзорцизмы, что твари краснели от стыда и добровольно отправлялись обратно в ад.

– Главное, детей по ошибке туда не отправить.

– Ну, погостят немного у дяди Люси, что такого?

– Выгоните из ванной Ктулху!

– Это просто гигантский осьминог.

Только двое не принимали участия во всеобщем бедламе: старый зомби Малкольм и Николай Васильевич. Они пили зеленую жидкость из пыльной бутылки и пытались разлагаться.

– Кто-то лезет по стене дома! – уши Родриго встали торчком. – Никак сам Инквизитор!

Его пятки в поношенных тапочках засверкали по лестнице.

– Дорогой, в прошлый раз ты думал также, а потом нам пришлось оживлять доставщика пиццы.

Но Родриго не слушал. Он ворвался в комнату дочери, и как раз вовремя. Патлатое чудовище с размалеванной мордой пыталось ее сожрать. Дуреха даже заклинание изгнания не читала, а вместо этого тоже пыталась сожрать монстра. Увидев отца, Лея отлетела от монстра и протараторила:

– Папа, это не то, о чем ты подумал.

– Саломе, – крикнул Родриго, – здесь еще один!

Не дожидаясь жены, он начал читать экзорцизм. Чудовище хлопало глазами, но не изгонялось.

– Раз литера тебя не берет, возьмет верный клинок!

Благородный дон выхватил шпагу и бросился на монстра. Волосатое чудище напугалось, кинулось к раскрытому окну, но в него, отрезая пути к отступлению, влетела Хейд.

– Дурень! – крикнула она зятю. – Тварей изгоняют поганой метлой, а не шпагой!

Она погнала монстра из комнаты внучки напрямиком в подвал. На победоносный полет бабки собралось посмотреть все семейство. Лея бежала за ней и что-то кричала, но слова тонули во всеобщем гвалте. Рябиновые прутья метлы загнали чудовище напрямиком в портал, а заклинание, слетевшее с уст

старой ведьмы, запечатало его.

– Это был Сет! – голос Леи наконец перекрыл всех.

– Не говори глупостей. У Сета голова осла. Своего племянника я бы сразу узнала.

– Да, нет же, мой парень Сет! Ты отправила в адский портал смертного!

Глава 1

Когда ты дом, никто не спрашивает, где тебе стоять. Просто возводят там, где хотят, и все. Если твой фундамент – руины древнего храма, а в недрах – нестабильные ворота в ад, то судьба твоя predetermined – ты дом с привидениями.

Местные жители обходили дом Стиксов стороной, как до этого обходили стороной жуткие руины храма, а еще раньше – и сам храм.

Рисунки на стенах храма рассказывали о кровавых жертвоприношениях в ночи новолуния. Девы и юноши отдавались на растерзание жуткому божеству с острыми зубами и когтями. На рисунках вообще срамота была изображена: девы в разных позах сношались с нечестивым богом и сами превращались в таких же уродливых кровожадных монстров.

В храме том жил носферату – омерзительное воплощение ночных кошмаров. Он успешно выдавал себя за темного бога. Рисунки на стенах были его лап дело, потому что как иначе объяснить местным, чего он от них хочет. Местные, дабы злобное божество не пожирало всех подряд, каждое новолуние исправно доставляли ему свежих девственников. Странная штука заключалась в том, что некоторые девственники, независимо от пола, сами кидались в объятия монстра.

Однажды явилась под молодой луной дева прекрасная и

черноволосая, да не в стенаниях и страхе и не в священной экзальтации, готовая отдаться похотливому кровопийце.

Пришла она со сковородкой.

Чугунной.

Тогда-то и понял носферату, что не в осиновом коле или серебре его погибель, а в чугунной сковороде. Ох, и лупасила же его дева, где только сил столько взяла. Как только забрезжил над храмом кровавый рассвет, вернулась дева нетронутой в деревню. Сковородку же для устрашения в храме оставила.

Потерял с тех пор носферату покой. Из сковороды личный фетиш сделал. Такое с ней вытворял, что стыдно кому сказать. Знаки внимания деве начал оказывать: то сердца птички в коробочку сложит и ленточкой кишок перевяжет, то письма любовные на коже человеческой накает, то нажрется волчьей ягоды, да белладонны с мухоморами и давай пьяным над деревней летать.

Неизвестно, что бы из всего этого вышло, если бы однажды местные жители не решили сжечь деву, потому что оказалась она ведьмой. Только носферату спас возлюбленную, а жителей деревни всех слопал.

С тех пор зажили носферату Лугоши и ведьма Хейд долго и счастливо. Потомство пошло, про жилищные условия задумались. Сначала на развалинах храма появилась избушка, потом дом каменный, потом особняк в викторианском стиле.

Особняк стал городской достопримечательностью, как са-

мый старый в городе. Туристы любили фотографироваться на его фоне. Почему-то их не останавливал тот факт, что сфотографировавшиеся с ним люди вскоре умирали. Местные по-прежнему старались держаться от особняка подальше. Все равно в итоге в нем оказывались, потому что дядюшка Малкольм, брат Хейд, открыл в нем похоронное бюро. Хотел открыть бордель или игровой притон, но это оказалось менее выгодно, а так стало проще доставать сравнительно свежие мозги, ведь Малкольм был зомби и обожал этот деликатес.

Хейд пекла на продажу булочки и кексы. Их покупали, но не для еды, потому что в пищу ведьмина выпечка была непригодна, а как сувениры, ведь украшенные пауками да скелетиками маффины оказались прекрасным декором для Хэллоуина.

Поживало семейство Стиксов в относительном спокойствии: запечатывали внезапно распахивающиеся ворота ада, ждали нападения Великого Инквизитора. Пока однажды в дом не проник, влекомый прелестями юной ведьмы, смертный.

Глава 2

Стиксы решили голосовать: открывать врата ада, чтобы спасти смертного, или оставить там гнить. Пока семейка спорила о плюсах и минусах обоих исходов, Лея продолжала испускать полтергейст, от чего сотрясались руины храма под землей, а мертвые на кладбище за особняком готовы были переворачиваться в гробах.

Бабка Хейд сначала голосовала за то, чтоб смертный сгнил. Потом совесть и любовь к внучке взяли верх, и она захотела выпустить несчастного. Лея и Саломе естественно были за спасение. Дон Родриго голосовал против и грозился рассечь шелудивого шпагой, как только он появится из врат. Дедушка Лугоши по-прежнему отказывался выходить из гроба, раз кризис не миновал, поэтому выставлял в щель куриную лапку, это означало, что пора бы перекусить. Дядя Малкольм голосовал сразу обеими руками, а также попытался выкопать пару покойников, чтобы использовать и их руки. Голосовать он умудрялся одновременно за оба варианта, чем усложнял подсчет голосов. Николаю Васильевичу в праве голоса отказали, потому что он мухлевал и привлекал к голосованию мертвые души.

Как бы дон Родриго не тряс шпагой, выяснилось, что большинство за спасение смертного. Этим большинством оказались, конечно, женщины, чья солидарность победила и ку-

риную лапку, и две левые руки дяди-зомби.

Вот ворота открылись, и из них явился герой. Длинные волосы на концах немного подпалились, железные шипы на запястьях раскалились докрасна, кожаная куртка пахла горелой кожаной курткой, трупный грим слегка подтек, от чего Сет еще больше походил на жителя загробного мира, а адский пес пытался укунить его за ягодицу. В целом же смертный выглядел сносно, а глаза горели бешеным восторгом.

– Это было пандемонически! – заявил он офигевшему семейству, потом обернулся на цербера и гаркнул: – А ну, место, адов Му-му!

Трехголовый песик заскулил и скрылся в закрывающемся портале. Лея и Сет начали так неистово лобызаться, что даже дедушка Лугоши выглянул из гроба.

– Руки прочь от моей дочери, бычья мошонка, – дон Родриго уперся острием шпаги в шею Сета. Алая капля проступила сквозь проткнутую кожу. Из гроба деда показались скрюченные пальцы и горящие жадной глаза.

– Прибереги силы для Инквизитора, дорогой, – Саломе изящной рукой отвела клинок от шеи, видимо, будущего зятя и тут же предложила всем подниматься на верх пить чай.

– Как бы узнать, не девственник ли он? – вопрошал старичок Лугоши у бабки Хейд, прыгая в гробу по лестнице подвала.

На кухне для серьезного разговора собралась мужская часть Стиксов. Сет с интересом осматривал убранство кух-

ни, напоминавшее декорации к страшилке. Дон Родриго сидел напротив него и прожигал красными глазами дырку в черепушке. Иногда он скалился и шипел, демонстрируя острые клыки, но смертный был обескураживающе невозмутим, и дону пришлось прекратить.

– Значит, ты Сет, – процедил Родриго. – Это сокращенно от Сетаниэль?

– Просто Сет. Это мое погоняло в группе. Человеческое имя у меня другое.

– Да, ведь ты смертный! – Родриго воспарил над столом, тыча когтем в парня. – А зачем-то притворяешься монстром!

– А, так это грим для выступления.

– Ты клоун что ли? – буркнул дедушка Лугоши, высунув голову из гроба.

– Нет, я вокалист и гитарист в блэк-метал группе «Сношение кишок».

– Блэк – это когда про мозги из черепушки, содом и другие приятности? – уточнил Малкольм, Сет кивнул.

Родриго, дед и Малкольм переглянулись, и даже Николай Васильевич оживился.

– Ты, это, извини, что приняли тебя за порождение ада, – Родриго поджал губы.

– Да, я привык. Правда, обычно меня в полицию сдают, а не в преисподнюю.

– И ты в аду не испугался?

– Я не сразу понял, где оказался. Все такое родное вокруг

было. Я решил, что у Леи семья сечет во всем этом. Когда дошло, вы уже и врата открыли. Кстати, вот, – Сет вынул из кармана куртки существо с тельцем мышки и крыльями мухи. – Кажется, это ваш. Он вместе со мной в аду оказался и плакал.

Родриго бережно взял родное исчадие.

– У него ваши глаза, – сказал Сет.

– Вообще-то это она. Но да, глаза у них всех мои, – гордо заявил Родриго. – Малкольм, доставай настойку из мухоморов, будем проверять печень нашего зятяка!

Пару адски пьяных часов спустя тройка порождений ада плюс Николай Васильевич склонились над храпящим Сетом.

– Ни че так парень, – резюмировал дон Родриго. – И с настойкой долго продержался.

– Есть пока не будем, – буркнул из гроба дед.

– Но если будем, то, чур, мозги мои, – застолбил Малкольм.

Глава 3

В старом особняке все любили рассказывать истории, этого добра у Стиксов хватало в избытке. Семейные легенды с течением веков обрастали такими мифическими подробностями, что сами члены семейства удивлялись, как могли такое сотворить.

Любимая легенда дяди Малкольма была о том, как он стал зомби. Ее он рассказывал каждый раз, как напивался пьян, потому что и сама история начиналась с попойки.

Компания, в которой он пил, менялась при каждом пересказе. Собутельниками успели побывать четыре мушкетера и их кони (потом он говорил, что это были всадники апокалипсиса), король Ричард Львиное Сердце (не важно, что тот уже помер) и многие другие.

Что случилось во время кутежа, Малкольм не помнил. Очнулся пьяным и на эшафоте. Его обвиняли в сговоре с дьяволом и требовали признания, которые он не давал, ибо языком с похмелья еле ворочал. Тогда его растянули на дощатом полу, а сверху опустили железную клетку с камнями. Представлялось, что под пытками он признается и выдаст сообщников, но тщедушное тельце не выдержало, и клетка проломила ребра.

Все решили, что «колдун» мертв, но тут Малкольм закричал и потребовал выпивки. Тогда пытку клеткой повто-

рили, потом еще и еще. Малкольм хоть и прибывал в спасительном опьянении, после этих манипуляций все же тронулся умом.

Не умирал он из-за старшей сестры Хейд, которая заговорила его еще младенцем. Опыта на тот момент у нее было маловато, поэтому побочным эффектом колдовства стало превращение брата в зомби и появление страсти к мозгам. Надо ли говорить, что первым лакомством новоиспеченного зомби стали мозги священника, обвинившего его в колдовстве.

Дон Родриго слагал легенды о схватках с Великим Инквизитором. Его рассказы больше походили на театральное действие, он наряжался в черный плащ с алой подкладкой, размахивал шпагой, сверкал красными глазами и так расходился, что в итоге принимал истинный вампирский облик, летал под потолком, скалил клыки, шипел на всех и гадил на вековые гобелены.

Если воспоминания о былых подвигах сопровождались выпивкой, заканчивал дон Родриго тем, что пытался изгнать из гроба деда Лугоши, за что получал по темечку припрятанной в недрах гроба сковородой-фетишем. Вырубался Родриго крепким вампирским сном в одном из гробов похоронного бюро, иногда забывая вынуть из него готовящегося к погребению покойника.

Дедушка Лугоши не отличался многословием. Его коронная история была о том, как он водил за мошон... кхм, за

нос профессора ван Хельсинга, притворяясь графом Дракулой. Сам Дракула в это время гостил в женском монастыре на итальянском побережье. Лугоши во имя заgrabной дружбы позволял профессору каждую ночь протыкать себя осиновым колом, чтобы на следующую ночь опять восстать со злобным смехом и кровью девственницы на клыках. Откуда же несчастному профессору было знать о силе чугунной сковороды.

Бабушка Хейд любила рассказывать о житье-бытье до того, как связалась с псевдо Дракулой-хренакулой и окружила себя этим адопарком. Историй о шабашах на горе Броккен набралось столько, что из них можно было бы собрать книгу. Книга на самом деле уже существовала, но содержала сцены столь откровенные, что Хейд наложила на рукопись заклятие. Теперь никто, в том числе она, не могли книгу обнаружить. Дед Лугоши постоянно пытался ее найти, но находил только похабные стишки Николая Васильевича с иллюстрациями к ним от Малкольма.

Саломе обладала такой богатой фантазией, что предпочитала рассказывать не о том, что было с ней, а о том, что будет с другими, поэтому открыла гадальный салон. На картах, кофейной гуще и даже на птичьих внутренностях она предсказывала клиентам судьбу. Устраивала и спиритические сеансы, благо в забробных душах недостатка не было, и умерший от чумы сапожник запросто мог притвориться чьи-то почившим мужем или даже духом любимой чихуахуа, если

уж так надо.

Семья росла, росли и истории. С появлением Сета они обещали умножиться. Старый же дом тщательно сохранял их в себе и берег от самого страшного, что могло случиться с воспоминаниями, – забвения.

Глава 4

Пуще всего на свете бесенята любили сказки. Сырым мясом не корми, дай сказки послушать. Наизусть уже знали «Адушку», «Черноснежку и семь смертных грехов», «Короля без кожи», «Кровавый ключик и другие приключения деревянного идола».

Однажды Дон Родриго решил проверить Сета на вшивость и без предупреждения затолкал в одну из детских спален, снабдив только перевернутым распятием. Близнецы Азазелька, Бегемотик, Левиафанчик, Селена, Вербена и Пэйн ждали сказку. Шесть милых кудрявых головок торчали над одеялом, но только одна пара ног высывалась из-под одеяла, и лишь одна пара рук теребила его кончик. Сет сглотнул.

Близнецы требовали историю про приключения, месть, драки, любовь, адские пытки, но чтобы без морали и со счастливым концом. Они улыбались Сету во все шесть пасть с острыми зубками, и думалось парню, что одним распятием он не обойдется.

– Расскажи, как вы с Леей познакомились, – потребовали близнецы. – Только рассказывай по сказочному.

– Сижу я однажды в баре... – начал Сет.

– Так не по сказочному! – клацнул зубами Левиафанчик.

– В давние-стародавние времена, – обливаясь холодным

потом, продолжил Сет, – менестрель зашел в трактир промочить горло после долгого выступления. Но житья не было ему от фанаток. Пива выпить не мог менестрель без того, чтобы не напали на него суккубы в облике прекрасных дев. Не знали коварные дьяволицы, что в сердце менестреля поселилась дева с волосами, как аметист, фиолетовыми. А знали, так порвали бы ее...

– Не смогли бы! – заверил Азазелька. – Лея та еще злыдня.

– Да, это была Лея – прекрасная дочь ночного охотника и лесной колдуньи. Так ее порочная красота глубоко запала в темное сердце менестреля, что вознамерился он во что бы то ни стало влюбить ее в себя!

– А почему сердце было черным? – спросила Селена.

– Потому что отдал он душу темным богам и получил взамен голос, души рвущий, и умение на гитаре такие рифы выводить, что у простых смертных кровь из ушей текла.

– А как менестрель влюблял в себя Лею? – спросила Пэйн.

– Он подрался с бандой байкеров.

– Один со всей бандой?

– Да.

– И победил?

– Да. Ну, как победил... Десять швов наложили. А так да, победил.

– А когда Лею похитит дракон? – спросил Азазелька.

– Лучше приспешники инквизитора, – сказала Вербена.

– Тогда папе придется ее спасать, а надо, чтобы Сет, – не

согласился Бегемотик.

– Она просто уехала с байкерами, – грустно отозвался Сет.

– Они ее похитили и заперли в трюме корабля, – сказала Пэйн. – Потому что на самом деле они пираты-зомби. И над ними висело древнее проклятие.

– Да-да, помню, – подтвердил Левиафанчик. – Каждый год в восход черной луны надо принести в жертву морскому чудовищу прекрасную деву. И если дева тому понравится, падет проклятье. Пока чудовищу ни одна дева не нравилась.

– Потому что дядя Ктулху свиней любит! – догадалась Селена.

– А почему менестрель до сих пор не отправился спасать принцессу? – спросили в один голос близнецы, вдруг вспомнив о Сете.

– Он отправился. Только сначала купил двух самых толстых свиней.

– А на чем отправился?

– На стальном цеппелине, вместо топлива он летел на звуках ада, поэтому менестрель позвал с собой всю группу. Их музыка рвалась из динамиков и поднимала вверх цеппелин.

– Но из-за громкой музыки пираты узнают о погоне, – заметил Азазелька.

– Не просто узнают, а устрашатся, ибо нет более адовых звуков, чем музыка «Сношения кишок». А еще музыка пробудила Ктулху, и когда он поднял тело над гладью морской, менестрель забросил ему в пасть свиней. По кайфу при-

шласть Ктулху жертва, и пало с пиратов древнее проклятье. Но недолго им пришлось ликовать, ибо став смертными, не смогли они вынести дьявольской музыки. Мозг их расплавился и вытек через уши и ноздри, а глаза вылезли из орбит и лопнули. Менестрель же поднял на борт цеппелина прекрасную Лею и...

– Они поцеловались! – хором крикнули близнецы.

– Это была хорошая сказка, – вынесла вердикт Пейн.

– Мы решили пока не есть тебя, – заверил Левиафанчик.

– И даже разрешим встречаться с сестрой, – заявил Азелька.

– Взамен ты будешь тысячу лет рассказывать нам сказки, – потребовала Вербена.

– Если с перерывами на концерты, я согласен, – улыбнулся Сет, но распятие держал все также крепко.

Глава 5

– Я пригласил вас, семья, с тем чтобы сообщить вам неприятное известие: за нами идет инквизитор.

Стиксы ответили на слова дона Родриго дружным ахом, а Николай Васильевич дико завращал глазами: явно что-то припоминал. Сет сидел тихо. Ночью его чуть не съели шестиголовые близняшки, а утром дядя Малкольм схватил его под локоть и приволок в кабинет, где уже сидели все.

Дон Родриго в черном хубоне с высоким воротником стоял на письменном столе и страшал семейство надвигающейся опасностью. Дед Лугоши только привык к смертному в доме и вылез из гроба, теперь вынужден был опять залезть в него. Малкольм прятал в потайные карманы длинного плаща бутылки с самодельной бражкой. Бабка Хейд приволокла на собрание котел, разожгла огонь прямо на полу кабинета и варила завтрак.

– Вы знаете, что каждый год Великий Инквизитор вызывает меня на поединок, – дон Родриго указал на картину, где он в победоносной позе стоял над поверженным врагом. – Но в этом году в своем коварстве он пошел дальше и грозит напасть на особняк.

Только стук половника о стенки котелка раздавался в повисшей тишине. Сет рассматривал картину с доном Родриго и поверженным Инквизитором.

– На самом деле Родриго тогда хорошо получил по шам, – прошептал ему Малкольм. – Но художник очень хотел жить.

– Зачем Инквизитору это надо?– спросила Саломе. На ее плечах, обтянутых черным бархатом платья, сидело несколько ее порождений. Она по очереди кормила их сушеными пауками.

– Чтобы завершить начатое. Он даже письмо об этом прислал с указанием даты. Вот слушайте: «Вереск с антресоли взял вязаный плед и обнаружил неожиданность. Рассказ о слиянии льда и велосипеда в зелье из брोगрой ягоды. Прикосновение ночи падет на вас».

Сету показалось это чужью. Остальным, видимо, нет, потому что дед Лугоши спросил из гроба.

– И что мы теперь будем делать?

– Обороняться! Я уже разрабатываю кое-какие планы и с удовольствием выслушаю ваши.

– Мой план как всегда прост и эффективен: травить к чертовой матери! – сказала Хейд. – У меня как раз еще осталось мясо тварей из преисподней.

– У меня тоже есть план, – Малкольм залез на стол рядом с Родриго и развернул длинный свиток. Некоторое время он на полном серьезе что-то говорил, но вскоре стало понятно, что его план – это схема нового самогонного аппарата.

Малкольма согнали со стола, и туда прямо в гробу залез дед Лугоши. Из-за приоткрытой крышки он объяснял, как правильно копать ров, обносить замок частоколом и держать

долгую осаду. Говорил долго и нудно. Порождения тьмы успели уснуть на материнских плечах. Сет и Лея самозабвенно лобызались, и чавк от их поцелуев прерывал речь старого вампира.

– Не заниматься блудом на военном собрании, – рявкнул дон Родриго, и им пришлось прекратить.

– Не знал, что он ваш родственник, – Сет кивнул в сторону Николая Васильевича, скромно сидящего в углу кабинета.

– Скорее биограф нашей семьи, – ответила Лея. – Про дедушкиного брата писал, того, что с веками, про бабкину сестру-утопленницу.

– Да, я читал.

– Горемычный, – вздохнула Хейд, – столько натерпелся. Сначала живьем похоронили, потом в школе стали изучать, как фильмы про него снимать начали, так в гробу завертелся, что даже черти перепугались. Без того покойник беспокойный был. Пришлось выкопать.

– Эй, там, у котла! – гаркнул дон Родриго. – Болтаете много! По делу есть, что сказать?

Лея и Хейд с двух сторон ущипнули Сета, он подскочил и оказался под прицельным взглядом красных глаз.

– Ну, так, – начал он, – а когда инквизитор обещал напасть?

– Когда придет пора варить зелье из брогрой ягоды.

– И когда это?

– В начале августа.

– Может, вам просто на это время уехать куда-нибудь?
Семейство сначала притихло, а потом наперебой загалде-

ло:

– А дом-то как?

– Ничего с домом не случится.

– А коли ворота ада откроются?

– Запрет дверь в подвал, никто не выйдет оттуда.

– А детей куда?

– Отправим к дяде Люсе. Им полезна смена обстановки.

Помнится, у нас котел на пятом круге пустует, вот и поиграют там.

– А сами-то куда поедем?

– Мы с Сетом в это время едем на фестиваль Вакен.

– Моя группа там выступает.

– Вот и мы все поедем, поглядим, чем смертные живут.

– Вас там за своих примут.

– Тем более сам черт велел ехать!

Уже после собрания Сет, обнимая Лею, спросил:

– А кто такой этот Великий Инквизитор?

Тогда Лея рассказала ему историю.

Глава 6

Молодой аристократ дон Родриго Рикардо Хуан Фернандес де Веласко граф Салазар вел жизнь расточительную, нрав имел вспыльчивый, а голову горячую. Вызывал на дуэли всех, кто ему под перчатку попадался. Надоело такое поведение неразумного дона, и отправили его в места далекие и темные – деревушку Сугаррамурди.

В местах тех ничего интересного, кроме охоты на ведьм, не происходило. Возглавлял охоту жестокий и принципиальный инквизитор. Болтающийся без дела дон действовал инквизитору на нервы. Пытался инквизитор всячески привлечь его к избавлению мира от колдовской мерзости, но Родриго оказался в этом деле совершенно бестолковым: то белены объесться, то в пещерах контрабандистов заплутает.

Сам же дон старался вести прежнюю жизнь. Пробовал вызывать кого-нибудь на дуэли, но местные иного оружия, кроме вил и факелов, не признавали. За дамами пытался волокаться, так те на сеновал тоже с вилами приходили. В карты можно было играть только с контрабандистами, а те в пещерах прятались.

Искал однажды Родриго напарника для карт, так и заблудился в пещерах. Вышел к подземному озеру и увидел ее.

Дева красоты неопишуемой стояла по пояс в озере, перси белоснежные в хрустальных водах омывая. Сквозь потолок

пещеры пробивался солнечный свет, лучи в черных кудрях запутывал. Настолько обалдел от увиденного Родриго, что умыкнул девичью сорочку белую, что на камнях лежала. Извращенец.

Не стало с того дня житья дону. Куда не глянет, везде дева ему мерещится. Ночами в забытьи трется чреслами о сорочку и сны блудливые видит. Алые губы плоти его касаются, очи черные в свете свечей пылают, черные волосы мир людской от взора застилают.

Заподозрил инквизитор неладное. Подопечный его не ест, не пьет, щеки румянцем постыдным горят, на девок больше не смотрит, хотя до этого ни одной пропустить не мог. Тогда смекнул инквизитор, что суккуб всему виной.

Молился инквизитор, чтобы послал ему Всевышний сил для борьбы, потому что одно дело ведьм ловить, и совсем другое дьяволицу в ад отправить. Стал следить за Родриго и однажды ночью увидел, как в окно к дону проникла черная тень.

Ворвался инквизитор в спальню, а там девица красоты дьявольской непотребство с Родриго вытворяет, а дон, как дурачок блаженный, улыбается, в греховном соитии с жизнью расставаясь.

Накинул инквизитор на суккуба мешок, святой водой пропитанный, слова молитвы зашептал. Стала дьяволица извиваться, да сил не хватило сбежать.

Очнулся на утро Родриго здоровый, но несчастный. Не

пришла во сне к нему его возлюбленная. Пришибленный ходил он по деревеньке весь день, пока не прознал, что в темнице сидит девушка красоты редкой.

Почуял он неладное, пробрался в темницу. Так и есть – возлюбленная его за решеткой томится. Дождался ночи, стражников вырубил и выпустил красавицу на свободу.

– За то, что спас, оставлю тебя живым, не буду больше тебе являться, – сказала дева.

Не согласен был Родриго на такой исход, заявил, что лучше смерть в ее объятьях, чем жизнь, но без нее.

– Не вынесет смертный любви суккуба, лишь порождение тьмы может мне достойным стать. Но дорог ты мне, и если готов бессмертной душой своей поплатиться, знаю я способ.

Родриго согласился, и отвела его прекрасная Саломе в лес. Предстали они оба в лунном свете на поляне пред идолом языческим, и спросила демоница позволения подарить возлюбленному поцелуй вечности. Глас над поляной раздался:

– Даю вам темное благословение на сей нечестивый союз, но с одним условием. После каждого соития будут рождаться у вас порождения тьмы для увеличения моего легиона.

Родриго уверил, что сможет прокормить всех детей.

– Да они сами себя прокормят, – заверил глас и провел темное венчание.

С тех пор живут Родриго и Саломе счастливо, потомство множат. Инквизитор же, как прознал обо всем, поклялся

отомстить Родриго и извести дону и род его проклятый. Каждый год пытается с переменным успехом, то он Родриго наколбасит, то дон ему по щам надает. Так и живут. Чем кончится все это, ни небеса, ни преисподняя не знают.

Глава 7

Семья наложила на дона Родриго новые обязательства, тем более что плодиться и размножаться они начали в первую же ночь. Некоторые исчадия после рождения отправлялись напрямиком в ад, другие оставались с родителями до достижения самостоятельности. Сначала Родриго пугала вся эта потусторонняя дребедень, выбегающая между ног жены, но он быстро привык.

Спасения от преследований инквизитора Родриго и Саломе решили искать у ее родителей. Вот тогда и оказалось, что тещь с тещей не очень-то рады такому зятю. Даже тот факт, что союз скрепил сам Властитель Преисподней, не особо тешил их. Они по-другому видели счастье дочери. В результате Родриго закапывали, топили, четвертовали, травили, оставляли одного сидеть с детьми.

Дон же выпутывался из всех устроенных родственничками подлянок, а во время очередного нападения приспешников инквизитора спас всю семью. После браво́й победы он погонял тещь с тещей пару сотен раз по всем кругам ада, грозя изрубить шпагой, тем самым показал, кто теперь в семье главный. Черти в аду даже ставки делали, кто кого, и хрумкали поджаренными пальчиками грешников, наблюдая за представлением.

После этого никто не смел сомневаться в авторитете дона

Родриго. Смертным он был раздолбаем, но как обращенный многолетний вампир – проявил себя ответственным, харизматичным монстром.

Вот и сейчас, когда безопасность семьи была под угрозой, он не висел сложа крылья. Отсиживаться в преисподней Родриго не собирался, поэтому план с фестивалем ободрил. Лея и Сет занимались планированием поездки. До фестиваля оставалось еще восемь месяцев, но для большой семьи требовалось много чего. Саломе немало времени проводила в аду, договариваясь о возможности оставить там детей на несколько дней. Она постоянно подписывала какие-то договора, дополнения к ним, дополнения к дополнениям и пояснения к дополнениям дополнений. Что поделатъ – черти любят бюрократию.

Родриго и Малкольм каждую ночь вооружались лопатами и рыли ров вокруг особняка, выкапывали мертвых, выдавали каждому косу и ставили вдоль дороги. Такой декор никого из соседей не удивлял, ведь был канун Хэллоуина. Все же каждое утро Саломе и Хейд укладывали покойников обратно в могилы, заклинанием закапывали ров и расставляли по лужайке декор из тыкв и бутафорских частей тела.

Пока соседи готовились к Хэллоуину, Стиксы готовились к Самайну. Женщины собирались на променад на гору Броккен, готовили наряды и приводили в порядок метлы. Хейд все надеялась раздобыть свежего девственника, чтобы не лететь с пустыми руками. Она принюхивалась к Сету, пока Лея

не заявила, что если бы Сет до сих пор был девственником, она бы давно его либо съела, либо совратила. Тогда бабка начала принюхиваться к туристам, коих перед праздником всегда прибавлялось в городке.

Ближе к Самайну дед Лугоши засутился, начал укреплять гроб и обвешивать себя талисманами. Сет решил, что старый вампир почему-то боится профессионального праздника. Однако Лея объяснила, что каждый Самайн воскресает из мертвых его теща, мать Хейд, и гоняет зятя всю праздничную ночь.

Сету же она посоветовала накраситься пострашнее обычного и обмазаться жабьей слизью, чтобы отбить человеческий запах, иначе прабабка сожрет его и глазом не моргнет. Для верности перед отлетом на Броккен Лея несколько раз предалась с Сетом безудержному разврату, чтобы от ее мужика за версту разило пороком, и у прабабки не возникло подозрений на его счет. Сама же нарядилась в костюм вавилонской блудницы и умотала с матерью и бабкой на шабаш.

Мужская часть Стиксов осталась следить за домом и детьми. Для бесенят ночь Хэллоуина была единственной, когда они могли поиграть со смертными детьми. Родриго, Малкольм, Сет и Николай Васильевич пили мухоморовую настойку на заднем дворе и смотрели, как Лугоши улепетывает от тещи по могилам.

– Сет, ты стал нам уже своим, – сказал Родриго. – Пора бы познакомить нас с родителями.

– Понимаете, – замялся Сет, – у меня не такая традиционная семья, как у вас.

– Пфф, это мы-то традиционная семья!

– Ваша семья странная, но вполне традиционная. А вот у меня... короче у меня две мамы!

Глава 8

– Ох, – причитала Хейд, – скоро гости придут, а рагу из потрошков не готово.

– Бабушка, мы заказали итальянскую еду.

– Хорошо. Давненько я римского мяска не едовала.

– Ба, только заказ заберем, курьера не трогаем.

Бабка Хейд расставляла на столе новогодние угощения: пальчики в хрустящей корочке, сердца с прожаркой с кровью, рулетики из кожи, фаршированные белладонной. Лея уносила все обратно на кухню и даже воронье вино не разрешала оставить. Дед Лугоши посасывал куриную лапку и размышлял:

– А можно ли матушек Сета считать девственницами, раз лона их не терлись о мужские чресла?

– Нет, ибо девственница есть та, чья плоть не знает никакого блуда, – ответила Лея и дала деду пакет с донорской кровью.

В гостиной бесенята развешивали украшения и наряжали елку звериными черепками, бутафорскими сердцами и скелетиками. Сверху водрузили перевернутую пентаграмму и устроили хоровод, обещая спалить елку в костре Йоля.

Малкольм сокрушался, что молодежь из-за этой цивилизации забывает старые традиции. По-хорошему надо было заранее заморозить девственницу, насадить на вершину ели

и вымазать ее кровью ветви. Вот тогда бы было настоящее йольское дерево, а не эта дешевая имитация. Николай Васильевич согласно кивал.

Дон Родриго нес из подвала бочку с двухсотлетним вином, когда в коридоре на него напал незнакомый тип с предложением помочь донести бочку до кухни.

– Ты еще кто такой? – взревел Родриго, пытаясь и бочку удержать, и шпагу вынуть.

– Это я, Сет! Просто грим смыл, мамы же придут.

– Да ты гребанный красавчик! – восхитился Родриго и тут же угрожающе добавил: – Держись подальше от моей жены!

– Мне нужна только ваша дочь, – заверил его Сет.

В это время в дверь позвонили. Саломе в элегантном красном платье встретила двух милых женщин. Тамара – строгая блондинка с высоким конским хвостом, в классическом синем костюме и сигаретой в длинном мундштуке и Татьяна – коротко стриженная шатенка с ярко-оранжевой челкой, в джинсах и пирсингом в носу.

Приготовления как раз подходили к концу, и Саломе предложила гостям показать дом. В гостиной по-прежнему резвились бесенята.

– Прошу прощения за детей, – Саломе прикрыла дверь. – Скоро придет Крампус и утащит их в мешке, тогда станет потише.

– Дед Мороз, вы хотели сказать? – осторожно спросила Тамара.

– Он к хорошим детям приходит, к моим только Крампус. Мелкие монстрики.

– Сколько же у вас детей? – Татьяна с опаской смотрела на двери гостиной, которые тряслись от звуков адской пляски.

Саломе задумалась, загибая пальцы. Родриго напрягся, ему самому был интересен ответ. Саломе же решила в подсчетах остановиться на тех детях, чья внешность не вызовет у смертных сердечного приступа, поэтому ответила:

– Пятеро, включая Лею.

Родриго разочарованно вздохнул.

– Тяжело, наверное. Как же вы расслабляетесь? – спросила Тамара.

– БДСМ, – одновременно ответили Саломе и Родриго.

Тамара и Татьяна понимающе переглянулись и протянули ненасытной парочке визитку.

– Мы хозяйки секс-шопа. Для вас, как родственников, действует вечная скидка 50 процентов!

– В случае с нашей семьей вечная означает посмертная, – проходящая мимо Хейд выхватила визитку. – Дед, смотри, куда мы в выходные пойдем.

– Мы будем вашими постоянными клиентами, – заверила Саломе и повела новых подруг на второй этаж.

Тамара и Татьяна восхищались архитектурой особняка и его декором, выдержанном в готическо-викторианском стиле с легким налетом модерна.

– Это тетя Одилия, – Саломе показывала портреты. – Она

выходила замуж, чтобы делать жизнь мужчин невыносимой настолько, что они переписывали на нее имущество и кончали с собой. Это дядя Густав, содержал бордель, а во время сухого закона снабжал весь город выпивкой. А это Николай Васильевич.

– Какая великолепная восковая фигура! – восхитилась Тамара.

– Это не фигура. Николай Васильевич, спускайтесь вниз, Малкольму пить не с кем.

– Наверное тяжело содержать такой дом в чистоте? – поинтересовалась Татьяна, немного придя в себя.

– Не знаю. Никогда не занималась уборкой. Но шкафы мы стараемся лишней раз не открывать. Когда последний раз попытались разобрать их, нашли мумию коммивояжера, с которым мой брат Сигизмунд изменил жене.

С первого этажа прозвенел звонок, зовущий к ужину, и Саломе пригласила подруг спуститься вниз.

Глава 9

– Не можем мы есть тех, кто разврат среди смертных сеет!– объяснял Лугоши Малкольму и тряс перед ним визиткой секс-шопа. – Тем более видишь, скидку на срамоту нам дали!

– Что мне с этой скидкой? – убивался зомби по запретным мозгам. – У меня и подружки-то нет.

– А ты выкопай, – предложила Хейд.

– У нас надувные продаются, – заявила Татьяна, входя в столовую вместе с Саломе и Тamarой.

– Я баб с мозгами люблю! – обиделся Малкольм.

– Редкий сорт мужчин, – восхитилась Татьяна.

Оба семейства уселись за праздничный стол. Итальянская еда шла на ура, старшее же поколение предпочитало более привычную для себя пищу. Объединяло оба гастро-лагеря великолепное двухсотлетнее вино.

– Должна признаться, – сказала Саломе, – что вы воспитали замечательного сына!

– Да, – подхватил Родриго. – Мы сначала сомневались насчет него, но покойников он может загнать обратно в могилу одной левой.

– Вообще мы хотели вырастить из него приличного глэм-рокера, – Татьяна тряхнула оранжевой челкой, – но почему-то получился блэкер.

– Наверное, вмешались гены отца, – Тамара описала сигаретой восьмерку в воздухе. – От нормального-то мужика не ясно, чего ждуть, а уж сперма в пробирке – вообще кот в мешке.

– Ма, ну хватит!– шикнул Сет.

– С детьми всегда так, – сказала Саломе. – Растись ее развратной грешницей, подыскиваешь выгодную партию среди графов ада, а она вдруг заявляет, что в институт поступила и закурила серьезные отношения со смертным.

– Ма, ну хватит!– зашипела Лея.

– Не мамкай! Дед от пережитого несколько дней в гробу провел.

– Да он и сейчас в нем!

– Он стар, ему нужно больше отдыхать.

– Поэтому он в секс-шоп собрался?

– Это здорово, что ваше старшее поколение чувствует в себе задор, – сказала Тамара. – Наши старички тоже с нами, только в виде праха в урнах на камине, – она положила ладонь поверх руки Татьяны.

– Я в прах рассыпаться не собираюсь, не дождетесь, – глаголил из гроба Лугоши. – Не заточили еще тот кол, что прокнет меня.

– А мне бы только где пухленького сладенького ребятенка найти, – облизнулась Хейд, – вмиг пару сотен лет скину.

– Ма, па, ну хватит! – возмутилась Саломе.

Праздничный ужин продолжался в непринужденной об-

становке за светскими разговорами и семейными байками. Бабка Хейд показывала Тамаре альбом с известными грешницами семьи. Татьяна пила на спор с Малкольмом и Николаем Васильевичем. Оказалось, что ее печень сильнее, чем у зомби и восставшего классика.

В разгар веселья в дымоход рухнул Крампус, швырнул в дона Родриго мешок и сказал, чтобы тот сам терпел адские муки со своими отродьями.

Тамара попросила у Крампуса закурить, назвала его охрененным мужиком и заявила, что готова пересмотреть сексуальные предпочтения. Татьяна сказала, что раз они вместе в горе и в радости, то и в разврате тоже. Спасаясь бегством от двух пьяных лесбиянок, Крампус сиганул в подвал и скрылся во вратах ада. В этом году больше ни один вредный ребенок не пострадал.

Под бой курантов Малкольму выбило глаз пробкой от шампанского. Он погнался за Сетом, крича, что криворуких в семье не держат.

– Одноруких тоже, – парировал Сет и выдернул зомби конечность.

Потом все дарили друг другу подарки, обнимались и целовались. Бесенята смотрели мультики и лопали червячков в жабьем сиропе.

Когда настало время ритуального сожжения йольского дерева, все высыпали во двор. Дед Лугоши, как старший в семье, поднес факел с адским пламенем к елке, и она загоре-

лась, сжигая все старое и очищая место для нового.

– Нам нравятся ваши традиции, – сказали Тамара и Татьяна и пустились в пляс со всеми.

Внезапно из йольского костра возникла голова с покрытой язвами кожей и пророкотала трубным гласом:

– Одержите победу над Инквизитором, когда пламя вспыхнет над рогами идола и зверь рыкающий воспевает хвалу прекраснейшему порождению преисподни.

Некоторое время все стояли молча, потом Малкольм спросил:

– Ну и как мы заставим собаку петь про меня песни?

Глава 10

Пуще любого инквизитора боялись Стиксы жен своих. Жутчайший страх накрывал их перед праздником, который смертные называли Днем влюбленных. Сказка о добрячке Валентине была придумана для смертных. Сердечки-валентинки, романтический ужин и прочая любовная лабудень пришли от лукавого, как еще один способ сеять разврат.

В преисподней этот праздник назывался Днем вырванного сердца и был посвящен Великой богине. Когда-то давно она в порыве страсти вырвала возлюбленному сердце и съела. Дух его каждый год переходит в другое тело. Богиня находит новое пристанище возлюбленного, совокупляется с ним и опять поедает сердце. Конечно, вся женская часть потустороннего мира занимается тем же во славу Праматери, а мужская часть старается дарами откупиться от ритуального соития, в тайне мечтая о нем.

– Кто вам посоветовал такие стихи написать? – спросил Сет, заглядывая через плечо Родриго. Нежелание отдавать на съедение сердце заставило вампира писать любовное послание жене.

Дон указал концом пера на Николая Васильевича. Тот от возмущения насупился так сильно, что нос чуть не спрыгнул с лица и не отправился в пешую прогулку.

– Вы бы еще на Пушкина свалили, – укорил тестя Сет.

– Все так плохо?– печально спросил Родриго, хватаясь за сердце.

– Глаза-алмазы и сердце-лед – прошлый век. Так про каждую теперь говорят. Надо придумывать незаезженные эпитеты. Например, твои глаза темнее вишневого ликера, а волосы цвета аравийского кошмара. Твой рот глубиной подобен пасти левиафана, и я готов погрузиться плотью в бездну твоего естества и познать адову сущность души моей темной королевы.

Родриго, высунув язык, тщательно все записывал. Лугоши достал из гроба мятый пергамент и просительно встал рядом с Сетом.

– Я слишком стар для ритуального соития, – обреченно проговорил он. – Мы и так каждую ночь тестируем товар из магазина твоих матушек.

– Записывайте! О, моя циничная самовлюбленная людоедка! Силу нашей извращенной любви не выдержит ни одна кровать, лишь адская сковородка служит нам ложем. Когда ты танцуешь обнаженная на моем гробу, черти в аду кончают с собой, не имея возможности получить тебя.

– Про сковородку это ты правильно сказал, – похвалил Лугоши.

Николай Васильевич молча аплодировал из кресла-качалки.

– А что ты написал для Леи? – спросил Родриго.

– С Днем вырванного сердца, хрюшка, – заметив удивле-

ние в глазах родственников, Сет добавил: – Что? Я и так посвятил ей целый альбом. Тринадцать треков, восхваляющих вампирские прелести дочери Лилит и творимые ею языческие ритуалы.

– У тебя посмертный иммунитет от ритуального соития, – заверил впечатленный Лугоши и пожал Сету руку.

– Жаль, я хотел попробовать что-то новое.

После страшного праздника жизнь Стиксов потекла своим чередом, прерывалась только набегами родственников и очередным изгнанием бесов во мрак открывшихся врат ада. Миновало весеннее равноденствие, яркой вспышкой костров прогорел Бельтайн, уплыло венком летнее солнцестояние, расцвел папоротником день Ивана Купала. Лето клонилось к завершению. Нападение Инквизитора приближалось с каждым днем.

Сколько Стиксы не пытались, так и не удалось им выяснить подробностей про зверя рыкающего кроме тех, что рассказывал выживший из ума Мерлин. Все на том свете знали, что у твари змеиная морда, тело леопарда, голени оленя, спина льва, а при движении из брюха вырываются звуки, как от лая шестидесяти собак. Только никто никогда зверя рыкающего не видел. Старой Хейд удалось призвать дух короля Артура, чьи рыцари только и делали, что гонялись за этой тварью, но тот ничего путного не сказал и отправился пить с Малкольмом и Николаем Васильевичем.

Фургон Стиксов для путешествий внутри был больше,

чем снаружи. В него влезло все необходимое семейству, в том числе котел Хейд, контейнеры с мозгами и кровью, гроб Лугоши, надувная подружка Малкольма. Бесенята собрали чемоданчики и готовы были отправиться в гости к дяде Люсе.

Первого августа Стиксы отметили Ламмас, а на следующий день двинулись на фестиваль Вакен, не зная, что Инквизитор уже начал осуществлять коварный план.

Глава 11

Вакен встретил Стиксов безумным неформальным карнавалом. Смертные выглядели, как нечисть, притворяющаяся смертными. Словно из ада был совершен массовый побег, и теперь беглецы разгуливали по полю, мирно курили на травке, трясли хаерами в такт музыке и наслаждались жизнью. Над полем фестиваля пыхтела и вздымалась масса звукового беспредела, грозя вывернуть смертных потрохами наружу, а они лишь приходили от этого в неопиcуемый восторг и требовали продолжения сладчайшего музыкального безумия.

– Инквизитор нас здесь точно не найдет, – заверил довольный увиденным Родриго. – Адская какофония не для его слабых ушей.

Друзья Сета уже приехали и занимались музыкальным оборудованием для предстоящего выступления.

– Познакомьтесь, – сказал Сет, – это мои музыкальные братья: Фараон, Анубис, Жрец и Навуходоносор.

На Родриго лыбились из-под мертвяцкого грима члены группы «Сношение кишок». Их вид вышибал дух вон и вызывал желание проводить кровавые ритуалы.

– Саломе, – крикнул Родриго, – у нас есть еще четыре дочери? Если нет, надо по быстрому сварганить!

Вокруг фургона музыкантов пытались крутиться фанатки. Хватило пары искр из глаз Леи, чтобы смертные девицы

забыли сюда дорогу.

Саломе была занята раздачей автографов. Оказалось, что в начале 90-х она снималась в культовых фильмах ужаса, сам Роб Зомби написал пару сценариев как раз для нее. Красота и талант ведьмы не были забыты, и она купалась в лучах славы и любви фанатов.

Николай Васильевич тоже получил долю признания. С ним фоткались и говорили, что он круто косплеит русского классика. Потом он встретил Элгара Алана, которому тоже ровно не лежалось, и они вдвоем пропали в районе пивного тента.

Малкольм не присоединился к ним. Он не ел, не пил и имел вид страдающий и болезненный. Зомби влюбился в девушку с татуировкой мозга на всю лысую головушку и ходил за нею тенью, мечтая о совместном разложении.

Хейд и Лугоши обескураживали народ, таская повсюду котел и гроб. Они оказались самой харизматичной парой, с ними тоже фоткались, а потом офигевали, что вместо Лугоши на снимках только парящий в воздухе гроб.

На Вакене они встретили много знакомых и поняли, что рано списывать себя со счетов. Старость даже у носферату и ведьмы может быть насыщенной и полной приключений. Главное, запастись артефактами из секс-шопа.

Под конец первого дня Стиксы расслабились и успели забыть, какая нужда пригнала их на метал-фест. Саломе, не скованная необходимостью тотального надзора за бесчис-

ленным потомством, отрывалась, как в последний раз.

Хейд уверяла смертных, что с ними ничего не случится, если они нырнут в бурлящий котел, и облизывала в предвкушении губы. Малкольму удалось произвести впечатление на девушку с татуированной головушкой, когда при стрельбе из арбалета ему оторвало руку, а он приделал ее обратно. Теперь парочка ходила повсюду вместе и грозилась устроить зомбиапокалипсис.

На всем Вакене не было более декадентской картины, чем два классика мировой литературы, пьющих в гробовом молчании друг напротив друга.

Вечером над сценой загорелся огнями череп буйвола – символ Вакена. «Пламя над рогами идола», – пронеслись в голове Родриго слова пророчества. Вмиг прошла пивная дурь. Зоркий глаз вампира выхватывал из толпы отдельные лица. Где-то среди них прятался его противник, не зря же пророчество начало сбываться.

Дон сжал эфес шпаги. Ему удалось пронести оружие на территорию феста, внушив охранникам, что «эта не та шпага, которую вы ищите». Семья не подозревала о надвигающейся опасности и продолжала веселиться. На Сета тоже надежды не было – он с группой готовился к выступлению.

Родриго и не подозревал, сколько фанатов у группы его зятя. Толпа обступила сцену и в один голос скандировала «Сно-ше-ни-е-ки-шок», и это звучало, как заклинание призыва. Дон схватил за руки Лею и Саломе и притащил за кули-

сы на сцену. Здесь больше охранников, значит, меньше опасности для них.

Родриго хотел идти за остальными, но тут на другом конце сцены увидел темную фигуру Инквизитора.

Глава 12

Дон Родриго и Великий Инквизитор шли друг на друга чеканным шагом, на ходу вынимая шпаги. Как в зеркальном отражении повторяли они движения. Плащ Родриго вздымался за его спиной подобно крыльям. Тяжелая накидка Инквизитора волочилась за ним. На середине сцены противники встретились и начали обходить друг друга по кругу. Кончики шпаг с легким скрежетом оставляли тонкий след на полу.

– Значит, ты не побоялся явиться сюда за мной! – сказал дон Родриго.

– Можешь не стараться! – язвительно проговорил Инквизитор. – Я влил в уши свинца, чтобы не слышать адских звуков приспешников дьявола. Тебе придется сразиться со мной, как в прошлые годы.

– Так приступим! – шпага Родриго прочертила в воздухе серебряную дугу и запела, встретившись со шпагой Инквизитора.

Толпа фанатов радостно взывала, принимая происходящее за первоклассный перформанс. Многие успели познакомиться с Родриго и теперь скандировали его имя. Охранники не знали, как реагировать, с одной стороны их ни о чем таком не предупредили, с другой – эти чудики в средневековых шмотках запросто могли оказаться частью представления. Они хо-

тели вмешаться, но Саломе наслала заклинание на их разум – никто и ничто не должно отвлекать ее мужа от поединка.

Азарт битвы передался всему семейству. Дед Лугоши летал над сценой, раскинув плащ наподобие нетопыринных крыльев, и шипел на прожекторы. Гроб летал за хозяином и клацал крышкой, как зубами. Хейд материализовалась на сцене вместе с котлом. Огромным черпаком она мешала варево, выкрикивала заклинания и хихикала злобным ведьмовским смехом. Над котлом поднимался густой зеленый пар, а из него выпрыгивала разная мерзость и разбежалась по сцене. Малкольм ловил мерзость и тут же с утробным чавканьем поедал.

Мировые классики смотрели на все это, спокойно попивая пиво из пластиковых стаканчиков и куря самокрутки с подозрительной начинкой.

Музыканты «Сношения кишок», охренев от происходящего, застыли на месте.

– Какой херов дьявол вселился в твоих родственников? – спросил Навуходоносор.

– Слушайте, братья! – обратился к музыкантам Сет. – Моя невеста – ведьма, а ее родственники – нечисть. Инквизитор их давний враг и хочет уничтожить их.

– Но если они нечисть, то почему сами не нападут на Инквизитора?

– Потому что для дона Родриго поединок – дело чести! Именно он должен спасти семью, – Сет замолчал, что-то при-

поминая. Что-то важное про Инквизитора и музыку. – Но мы можем помочь, братья!

– Как?

– Да будет гребанный металл!

Дон Родриго был ловок и великолепен. Он отбивал атаки Инквизитора и слал воздушные поцелуи Саломе. Инквизитор же хоть и был седовласым, не уступал противнику в искусстве владения шпагой.

Внезапно сцена затряслась от гортанного рева, поднимающегося из глубин ада и возносящегося к темнеющим небесам. Мощный крик запросто мог расчленить плоть и разорвать на части барабанные перепонки. Толпа вторила реву, усиливала его, и он чудовищной звуковой волной накрывал поле метал-феста.

– Зверь рыкающий! – возопил Лугоши, вместе с гробом упал на пол сцены и вытаращился на сжимающего микрофон Сета.

Вокальную партию подхватили музыкальные инструменты. Две гитары, бас и барабаны звучали так, словно их сотворили из сухожилий, костей и внутренностей проклятых. Они создавали сложные звуковые слои и текстуры, бросали в адский музыкальный котел агрессивные гитарные рифы и стремительные ударные трели.

Сет вопил, как сумасшедший призрак, потом переходил на смертоносный шепот или рычал, как голодный левиафан. Барабаны Навуходносора били отбойными молотками, ги-

тарные партии Фараона и Жреца дредью вкручивались в мозг, а бас Анубиса грохотал адскими раскатами.

Хейд, Саломе и Лея в танце воплощали Трехликую Богиню. Ритуальные движения наполняли воздух магией и усиливали действие музыки. Рогатый идол полыхал над ними огнем, а пятиголовый рыкающий зверь повергал смертных в музыкальный хаос, воспевая прелести потусторонней красоты.

Свинцовые затычки Инквизитора не выдержали и выскочили. При первых же услышанных звуках Инквизитор вырони шпагу и покатился по сцене, прижав ладони к окровавленным ушам.

В этот момент песня закончилась. Фанаты взорвались бурей восторгов, а Стиксы и музыканты посмотрели на Инквизитора.

– Ради бога, – причитал тот, – пусть они прекратят.

– Да, ладно тебе, папа, это же просто музыка, – сказал Родриго.

– Папа? – рыкнул ничего не понимающий Сет.

Эпилог

– Какой на хрен папа? – переспросил Сет.

– Это мой второй дедушка, – ответила Лея как ни в чем не бывало. Танец не отпускал ее даже после окончания музыки. Она кружила около Сета, обвиняя его коконом магии. Поцелуй вышиб из Сета все вопросы и удивление. Горячее дыхание ведьмы наполнило его связки новой силой. – Пой дальше, мой рыкающий зверь. С дедом познакомишься позже.

Под восторженные вопли фанатов она утанцевала со сцены вслед за родственниками, уводящими под руки Инквизитора. Замыкал шествие Малькольм. Он расшаркивал ногами, глупо лыбился и махал оторванной конечностью.

Стиксы привели Инквизитора в фургон и уложили на кушетку. Саломе укутала его плечи пледом, Хейд дала теплый чай. Малкольм пытался влить в чашку мухоморовой настойки, но Лугоши пригрозил ему кулаком. Инквизитор плакал и причитал:

– Ну, почему они не могут петь про ромашки? Почему они играют такую агрессивную музыку и поют про нечестивую ведьму разврата? Кто она вообще такая, чтобы про нее петь?

– Это я, дедушка, – сказала Лея и обняла старика.

– Ну, ты, бать, даешь! – воскликнул Родриго. – Рискнул-таки приехать сюда.

– А что мне оставалось делать, если я приехал в гости, а

дома никого?

– Как вы вообще узнали, что мы здесь? – спросила Саломе.

– Нашел записку, – ответил Инквизитор и протянул клочок пергамента.

– «Папа, я уехал на Вакен», – прочла Саломе. – Родриго, задери тебя черти! Как это понимать?

Родриго встал в позу, усиленно делая вид, что он тут ни при чем.

– Не любите вы меня, знаю, – продолжать ныть Инквизитор.

– За что ж ты любить? – возмутилась Хейд. – Ты нашу дитятку спалить на костре пытался? Ты муженька моего опосля похмелья из гроба на солнце таскал? Ты мой колдовской котел продырявил? А кто Лею с самого детства так боженькой напугал, что она теперь каждого встречного миссионера кирпичом по морде бьет?

– А вы меня ни на свадьбы, ни на похороны, ни на новый год не приглашаете. А сами весело празднуете, я знаю.

– А как тебя, супостат, приглашать, – сказал Лугоши, – ежели ты гостей сразу крестить начинаешь? Они после этого гнойными ранами покрываются и на солнце выходить боятся.

– Не любите, – горестно повторил Инквизитор, – даже сын встречаться со мной больше не хочет. Одна встреча в год, старика порадовать, и с той сбежал.

– Любим мы тебя, дедушка, любим, – воскликнула Лея, обнимая его. – Любите же? – зашипела она на остальных, полыхая адским огнем в глазницах.

Скрипя зубами и костями, Стиксы вынуждены были согласиться.

– А в гости к себе пустите? – с надеждой спросил Инквизитор.

– А ты бесов изгонять не будешь?

– Потому как не бесы это, а внуки твои!

– Осинovým колом не будешь портить раритетную мебель?

– А наливать святую воду вместо мухоморовой настойки?

– А плевать через левое плечо?

– А кричать «изыди»?

На каждый вопрос Инквизитор энергично качал головой, и Стиксы решили дать ему шанс.

***

Старый особняк осыпался трухой и обрастал паутиной, впитывал в себя вечерние сказки и шумные семейные посиделки. Через дымоход он избавлялся от излишков полтергейста и отправлял его путешествовать по городу. Он наперечет знал всех порождений ненасытной страсти дона Родриго и мадам Саломе, помнил имена всех родственников до 13 колена и тех, кого называют седьмой водой на киселе. Он мог рассказать больше историй, чем сами обитатели, и бережно относился к каждому скелету в шкафу.

Единственное, чего он хотел взамен, это тишины и покоя, но не получал этого даже ночью, потому что когда засыпали дневные порождения, просыпались ночные.

Но вот внезапно особняк опустел. Никто не топал по нему тысячью ног и копыт, никто не разжигал старый очаг, не орал экзорцизмов вместо «доброе утро», не прелюбодействовал в самых неожиданных местах и не искал выпавшие из глазниц белки.

Особняк наконец получил то, о чем мечтал, но не почувствовал при этом счастья. Он урчал опустевшей утробой и содрогался от старческого одиночества. Только ветер стучал в закрытые ставни, но редко, потому что ему становилось скучно рядом с развалюхой, в которую превратился особняк без обитателей. Даже врата ада перестали открываться без жильцов.

Как же особняк обрадовался, когда спустя несколько дней к его крыльцу подкатили два фургона, и из них высыпали люди и нелюди. Они ворвались в особняк, захлопали ставнями, оживили огненной магией очаг, наполнили воздух запахом табака, духов, мухоморовой настойки, свежей выпечки и гомоном голосов.

Их оказалось больше, чем уезжало. Дон Родриго шел рука об руку с крепеньким старичком, а тот имел вид счастливый и от того глуповатый. Почему-то Сетов стало пять, и только позже особняк понял, что это разные парни. Малкольм прижимал к себе худую, как скелет, девушку с мозгом наружу и

вместо поцелуев облизывал ее черепушку. Именно они первыми продолжили традицию прелюбодействовать в неподходящих для этого местах, и особняку было очень щекотно.

Даже Николай Васильевич привел с собой друга, и этот маньячного вида типец сначала считал воронов на чердаке, а потом поинтересовался, не собирается ли этот дом пасть.

Словно в ответ на его слова подвальное нутро особняка задрожало и заголосило сотнями глоток.

– Что это? – в ужасе спросил Инквизитор.

– Это дети с каникул вернулись, – ответил Родриго. – У тебя много внуков, папа, очень много. Держись.

– Все готовы? – спросила Саломе, поворачивая ключ в дверце подвала, и под общий вздох открыла ее.

Особняк тут же наполнился легионом маленьких бесенят. Они разлетались и разбегались под ногами родственников, наперебой галдели, делясь новостями, и искали, чего бы пожрать.

– Дедушка, дедушка! – кричали они и бросались к ошалевшему и обомлевшему Инквизитору.

– Как они вас любят! – умилялась Саломе. – Вот с этим аккуратнее, он может руку по локоть откусить.

Последними из врат ада вышли четыре прекрасные до ужаса ведьмочки.

– Тьма, Боль, Порча, Горгона! Ни фи́га вы подросли, бесстыдницы! – воскликнул Родриго и скосил глаза на друзей Сета: – Короче, вы попали, парни!

А парни были и не против.

– Все же я не понял, что за терки у твоего отца с Инквизитором, – сказал Сет.

– Когда папа женился на маме, дедушка был очень против, он же охотился на ведьм, а тут такая подстава от собственного сына, – объяснила Лея. – А папа еще и сам стал нечистью. Первое время дедушка постоянно пытался напоить его святой водой или крестом по темечку дурь выбить. Они постоянно вызывали друг друга на дуэль, постепенно это стало традицией. Сначала они дрались на шпагах, потом шли в какой-нибудь паб или в сауну. Дед так и не смирился с выбором папы, знать не хотел его вторую семью. Надеюсь, теперь все изменится.

– Если дед смертный, как ему удалось прожить так долго?

– А это я подсобил!

Посередине гостиной материализовался тип с острой бородкой, в длинном цилиндре и тростью с набалдашником-черепом. Из-под черного сюртука выглядывала футболка с физиономией Оззи Осборна, а из дырявых джинсов торчали мохнатые коленки.

– Саломе, ставь еще один прибор, – крикнула Хейд при виде гостя, – дядя Люся пришел.

Инквизитор вопреки обещанию попытался перекреститься, но дядя Люся цыкнул на него и в шутку изобразил, что бьет тростью по пальцам.

– Это я для развлечения сделал его бессмертным, – заявил

нежданный гость, что хуже черта. – Страсть как хотелось посмотреть на их разборки с доном. Телевидения же тогда еще не изобрели.

– Но он ведь таким останется? – с надеждой спросила Лея.

– Красавица моя, всему есть свой срок. В итоге и твои дедушки и бабушка перейдут в нечто новое. Но это произойдет не скоро – им еще внуков растить.

Бесенята прыгали вокруг дяди Люси и пытались залезть на него.

– А ну, сгиньте! Никакого покоя от вас в аду не было.

Сет подошел к нему и скромно спросил:

– Скажите, пожалуйста, а нам с Леей тоже придется после каждого соития плодиться?

– Ты чё прикалываешься, парень? Я уже жалею, что Родриго с Саломе позволил это. Их отродья весь ад на уши поставили! Покусали кучу чертей. Грешники жаловаться приходили, что им мешают честно терпеть адские муки. У меня самого кровавые раны по всему телу от этих спиногрызов! Отменяю свое требование, слышите дон и мадам? Можете спокойно прелюбодействовать безо всяких последствий.

Вместо ответа послышался топот ног на второй этаж – Родриго и Саломе побежали проверять правдивость его воли.

– На вас у меня другие планы, – заговорщицки проговорил дядя Люся, обнимая парней из «Сношения кишок». – Будете своей музыкой новые души для меня собирать! Девахи вам помогут! О, Николай Васильевич, а вы тут какими

судьбами?

– Скучно на том свете, господа! – ответил Николай Васильевич. – Да и водка ни к черту.

Вскоре пожаловали мамы Сета, и Стиксы вместе со всеми гостями уселись за большой богатый угощениями стол.

В разгар застолья никто не заметил, как два мировых классика, прихватив блюдо с пирогами, растворились в закате. Позднее их видели на Кубе в компании типа, подозрительно похожего на Хемингуэя. Сначала неугомонные покойнички открыли бордель под название «Гоголь-ПЮголь», потом комнату страха с гигантским орангутангом и наконец бар «Старики у моря».

На Самайн Стиксы сыграли сразу пять свадеб. Вскоре после этого Навуходоносор обнаружил, что в его жену Горгону вселился дух почившей графини. Дамочка оказалась такой затейницей, что молодожены решили не изгонять ее до поры до времени. Так и стали жить втроем.

После фееричного выступления на Вакене «Сношение кишок» получили мировую славу, контракт с известным звукозаписывающим лейблом и приглашения на другие музыкальные события. В метал-кругах даже ходили слухи, что члены группы продали душу дьяволу. Шутки, конечно, все эти слухи.

Малкольм после феста открыл в себе новые таланты. Вместе со своей возлюбленной они основали цирковую труппу, куда принимали фриков всех видов. Первые выступления

они давали на концертах «Сношения кишок», а потом стали выступать самостоятельно и имели оглушительный успех.

Родриго и Саломе, избавленные от необходимости постоянно размножаться, сосредоточились на карьере. Дон открыл сеть похоронных бюро в нескольких городах и проводил покойников в последний путь по высшему разряду. Саломе стала известной гадалкой и даже снялась в нескольких выпусках передачи про экстрасенсов. Передачу закрыли после таинственного исчезновения ее главной конкурентки. Саломе говорила, что ничего не знает, и с аппетитом облизывала пальцы.

Лугоши, Хейд и Инквизитор занимались воспитанием внуков. Также носферату и старая ведьма продолжили тестировать товар из секс-шопа мам Сета и даже делали видео-обзоры на Ютубе. На День вырванного сердца Лугоши решил сделать подарок Инквизитору и воскресил его жену. Инквизитор почему-то не очень обрадовался.

Скоро и у «Сношения кишок» с ведьмочками появилось первое потомство, но это уже совсем другая история.